18+

Марк Аксенов

Сезон отпусков

Рассказы, очерки, эссе

Марк Аксенов
Сезон отпусков. Рассказы, очерки, эссе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34331753
ISBN 9785449095008

Аннотация

Книга «Сезон отпусков» – второй сборник прозы Марка Аксенова. Тема отпуска лишь формально объединяет вошедшие в него произведения, каждое из которых – попытка разобраться в человеческих отношениях, в устройстве общества. Особым чувством проникнуты воспоминания об Абхазии, выделенные в отдельный цикл «В поисках Изабеллы».

Содержание

Отпускная муза 5
Времена и годы 6
В поисках Изабеллы 11
О, море в Гаграх! 11
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Сезон отпусков
Рассказы, очерки, эссе
Марк Аксенов

© Марк Аксенов, 2018
ISBN 978-5-4490-9500-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отпускная муза

Не у всех есть работа, о которой можно рассказать или написать что-то интересное. В этом смысле следователям, разведчикам и морякам, если они к тому же обладают литературным талантом, можно только позавидовать. Однако, в отпуске, перефразируя поговорку про баню, все равны. Не в смысле уровня комфорта и сервиса, конечно. Тут у всех, как всегда, по-разному. Но у каждого, где бы он не отдыхал есть шанс получить множество новых интересных впечатлений, познакомиться, или даже подружиться с новыми людьми, а то и вовсе – найти свою судьбу. Не зря же мы каждый год с таким нетерпением ждем, когда же он, наконец, наступит – сезон отпусков.

Для меня же отпуск, помимо всего прочего, всегда был временем, когда я мог спокойно поразмышлять о разном и перенести эти размышления на бумагу или в память компьютера.

Приятного тебе отдыха, дорогой читатель, с этой книжкой в руках и в отпуске, и дома.

Марк Аксенов.

Времена и годы
Из недетского альбома Чайковского

Вот говорят, как жили, так и живем. Ничего не изменилось. Ой ли? А по мне, так все перевернулось с ног на голову. Возьмем хотя бы такую пустяковину…, ну сущую ерунду. Даже и говорить об этом неудобно. В общем, то, чего в СССР, по словам одной партийной дамы, «не было». А теперь вроде бы и есть, но, опять же, не так, как нам хотелось бы.

Год 1978-й. Зима. У кульмана

Старший инженер Перинкин вернулся в родной отдел из турпоездки в Польскую Народную Республику в дефицитных голубых джинсах фирмы «Левис» с новым «дипломатом» из крокодиловой кожи и с загадочным выражением лица. В 11-часов во время перерыва он воровато оглянулся в сторону начальства. Не увидев никого за столом шефа, Перинкин раскрыл «дипломат» и вытащил оттуда журнал «Плейбой» с грудастой красоткой на обложке.

– Клёво! – выдохнул техник Калинин, сидевший рядом, – Чур, я первый!

– Да бери…, – лениво откликнулся Перинкин, – только, смотри, не замусоль! Руки-то отмыл от туши?

– Ой! Чёй-то там у вас?, – заинтересовалась проходящая

мимо чертежница Важкина, – Ух ты-ы! Дай посмотреть!

– Отвали! Ты еще маленькая!

– Чёй-то маленькая?! Как на овощную базу идти, так в самый раз, а как чего интересное, так маленькая!

На шум стали слетаться сотрудники из-за соседних столов. Журнал рвали из рук. Перинкину стоило больших трудов навести порядок и установить очередность просмотра.

Перерыв закончился, но работа так и не началась. Личный состав отдела разбился на группы из четырех – пяти человек, каждая из которых по очереди получала «Плейбой» для коллективного просмотра, минут на десять.

– Ты чего так быстро листаешь? Я еще вон ту не досмотрел!

– Нечего, у жены своей досмотришь!

– Слушайте, а мужики голые здесь есть?

– А ты что, не видела?

– Нет.

– Приходи сегодня ко мне, покажу!

– Дурак! Так-то я видела! Я в журнале хотела посмотреть.

Пока одна группа жаждущих смотрела, другая обсуждала увиденное. Со стороны это выглядело как рабочие совещания проектных групп. Однако, на самом деле, работа была парализована.

Срывался план по проекту склада готовой продукции Воронежского трубопрокатного завода. Напрасно ждал рабочих чертежей Братский лесокомбинат. Ясно было, как белый

день, что и по детскому санаторию в Куйбышеве техзадание не выйдет в срок.

Отдел численностью в 60 человек был практически выведен из строя с помощью секретного американского оружия с коротким, как смерть, названием «Секс». И только один Перинкин чертил что-то на своем кульмане, снисходительно улыбаясь и изредка посматривая в окно. Снег валил крупными хлопьями, до весны было ещё далеко….

Год 1988-й. Весна. Песнь жаворонка

В электричке напротив симпатичной девушки с цветами сидит слегка подвыпивший тип лет 35-ти с масляными глазками.

– Девушка, а вы знаете, у цветочков все, как у людей – пестик, тычинка, семя.

– Мужчина, смените тему, пожалуйста. Смотрите, вон погода какая хорошая, жаворонки летают, небо такое голубое…

– Голубые меня не интересуют.

– Тьфу, кто о чем, а вшивый все о бане!

– А вы, что, баню любите? Может, сходим в сауну?

– С вами? Да ни за что!

Устав от неудач, ловелас с деланным равнодушием замечает:

– Девушка, у вас молния расстегнулась.

– Приедете домой, будете за своей женой следить!

– Я что, идиот, чтобы дома жену держать?!

В приоткрытое окно дует игривый весенний ветерок, сквозь стук колес доносятся птичьи голоса…

Лето, год 1998-й. Баркарола

Жара, духота… В электричке две пары средних лет играют в подкидного дурака порнографическими картами. Вместо столика – черный кейс. Мужчина с внешностью лысеющего Элвиса Пресли в сердцах бросает червового туза с неприличной сценой и орет своей партнерше:

– Чего ж ты козыря держала, дура!

Та, почти вываливаясь из декольте, сует ему в нос шестерку пик с еще более нахальной парочкой:

– Какого козыря, этого, что ли??!!! Не понимаешь, так молчи!

Победившие радостно хохочут.

Оставшийся в дураках «Элвис» нервно швыряет на кейс бубновую девятку с изображением лесбийских забав и, достав пачку «Кента», идет в тамбур курить.

Жарко, душно, не до секса…

Октябрь, год 2008-й. Осенняя песня

Электричка «Москва-Клин». Рядом со мной сидят ребята довольно странной наружности. Прически с красными или зелеными прядями, в ушах – серьги, на руках кокетливые браслетики.

Впрочем, странность их становится для меня ясной, как только они начинают разговаривать.

– Ой, мальчишки, а кто-нибудь карты захватил?

– У меня, кажется, есть. Ой, над же, забыл

И так далее, почти каждая фраза начинается на «ой!».

Один из них обращается ко мне:

– Ой, а вы не скажете, во сколько мы в Тверь приедем?

– А эта электричка, – говорю, – идет только до Клина.

– Ой, а что же нам делать?

– Ничего страшного, пересядете там на тверскую электричку. Она будет через час.

– Ча-а-ас?! Ой, мальчишки, что же мы целый час будем делать в Клину?

Видимо, более образованный из них успокаивающе произносит:

– Подумаешь! Погуляем по городу, зайдем в музей к «нашему»…

– К какому «нашему»? – спрашивает его туповатый приятель с зеленой прядью.

– К какому, к какому! К Петру Ильичу!

– К какому Петру?

– Ты чё, больной? К Чайковскому!

– Прикольно! А он чё, в музее работает?

Ну, вот и приехали, – подумал я, увидев розовые стены клинского вокзала и желтые кроны редких деревьев…

В поисках Изабеллы

О, море в Гаграх!

Как романтичны руины древних городов – Херсонеса, Афин, Рима. Их воспевают художники и поэты. Туристы со всего света едут за тридевять земель, чтобы увидать Акрополь или Колизей. Грустно ли нам бродить по развалинам чьей-то давно ушедшей жизни? Да нет. Наверное, это потому, что та ушедшая жизнь никак не связана с нашей, не отражена в памяти нашего сердца?

Дул ненастный северный ветер. Даже через плотно закрытое окно был слышен его простуженный голос. В коридоре было не просто темно, а трагически мрачно и пусто. Неясно было, куда идти. Откуда-то из за угла слышались приглушенные голоса, и Алешин пошел в ту сторону. Дверь в палату была приоткрыта. У ближней койки небольшая группа родственников собралась вокруг молодого человека, полулежащего в белой больничной рубахе. Из ворота и рукавов торчали прозрачные трубки, уходящие под одеяло. Таинственный свет настольной лампы, тихие голоса. На тумбочке – привезенные банки и пакеты с соками, пара апельсинов и связка бананов. «Дары волхвов» – вдруг пчему-то подумал Алешин.

А на койке у окна, за которым – ноябрьские сумерки и ветер… нет, не может быть, это, наверное, не та палата. Кто бы мог узнать в этом спящем немолодом мужчине Самвела Авакяна?! В открытом вороте разовой рубашки ниже кадыка отчетливо и страшно белел на горле кружок из белого пластыря с зияющим черным отверстием… Стоп! Что ему это напомнило, где он мог видеть такое? Да нет, ерунда какая-то. Очередное «дежа вю»…

Алешин первый раз поехал на море в раннем детстве. Крым. Раскаленная июльским зноем Евпатория. В чреде детских воспоминаний о пионерлагере море было лишь незначительным эпизодом, сильно уступавшим по своей яркости другим более интересным предметам и событиям. Запомнилась утренняя линейка с поднятием флага, высокое дерево шелковицы у входа, множество детей в инвалидных колясках, черный, мягкий от жары асфальт, по которому невозможно было идти босиком… А море? Купание в огороженном «лягушатнике» по команде воспитателей и вожатых, да морская прогулка на пароходике с красивым названием «Лабрадор» – вот, пожалуй, и всё. Такие понятия, как мощь, величие, простор, еще не проникали в его детское сознание. Наше видение мира меняется от младенчества к старости, подобно дневному циклу цветка. В самом начале на рассвете лепестки, собранные в бутон, обращены вовнутрь – ребенку и подростку более интересно то, что творится у него внутри или в самом близком окружении. И только с нача-

лом солнечного дня лепестки всё шире и шире раскрываются для внешнего мира, чтобы к вечеру жизни вновь погрузиться в самосозерцание.

Настоящее знакомство с морем произошло в юности. Алешин вместе со своим школьным товарищем Виталиком Петровым, сдав последние вступительные экзамены в институт, и, даже не дождавшись результатов, с беззаботностью, свойственной молодым балбесам, полетел на юг. Когда самолет накренился, заходя на посадку в аэропорт Адлера, в иллюминаторе появилось море. Оно было прекрасно! Зеленовато-синее возле берега, оно становилось бирюзовым и голубым ближе к горизонту, наклонившемуся на вираже, и пробитому золотой стрелой беспощадного южного солнца. С высоты полета волны казались мелкой рябью в дачном прудике. Однако, частые белые «барашки», бегущие к берегу, указывали на то, что волнение должно было быть не меньше двух-трех баллов. Так сказал Виталик, отдыхавший в Гаграх уже не первый год. А возле моря, словно уставшие доисторические звери грели на солнце свои курчавые бока зеленые, лесистые горы.

В аэропорту была страшная духота и влажность. Люди сновали с сумками и чемоданами, обнимали встречающих, бурно радовались предстоящему отдыху. Бегал энергичный таксист – «Каму в город-герой Гагры?! Паехалы, слущай, нэдорого!»

Друзьям, однако, было не до него. Их встречал сын хозяев

дома, где регулярно отдыхал Виталик. У него было неслыханное ранее Алешиным имя – Самвел. Затертая фраза «само обаяние» лишь в малой доле передавало свет, исходивший от этого паренька. Когда Самвел улыбался, казалось, что улыбаются не только его губы и глаза. Улыбался его большой армянский нос, его курчавая шевелюра а ля «Битлз», улыбались его руки распахнутые для дружеского объятия. Его рубашка была не застегнута, а лишь завязана в узел на животе – так было модно тогда. Самвел слегка сутулился, словно боксер на ринге, и это тоже было данью моде. Алешин никогда не спрашивал у Виталика об этом. Да и вопрос показался бы странным: «Кто для тебя Самвел?». В жизни самого Алешина Самвел прочно занял место чрезвычайного и полномочного представителя Черного моря и зеленых гор. Алешин запомнил на всю жизнь этот первый вечер в Гаграх. Одуряющий, неведомый ранее запах созревшего винограда «изабелла», простодушно-грубоватый вкус домашнего вина. Оно было розово-янтарным, таким же, как море в лучах предзакатного солнца. Они купались вместе с ватагой армянских мальчишек, друзей Самвела. Даже спустя много лет Алешин не мог понять, как этим пацанам удавалось бегать босиком по гальке и с веселыми криками с разбегу бросаться в волны!? Сам он очень долго не мог и шага пройти без тапочек по этим жестким камням.

Эта поездка была лишь первым знакомством. На следующий год Виталик Петров привез к морю целую компанию –

человек семь – однокашников. Затем Алешин пару раз приезжал к Авакянам с институтскими друзьями и со своей будущей женой Ниной, которая также безоглядно и на всю жизнь влюбилась в эти райские места. А потом началась взрослая семейная жизнь, работа. Алешины несколько раз съездили в Крым. Но при всей своей разнообразной красоте Таврида не смогла заменить им черноморский Кавказ, как не смогли этого сделать зарубежные курорты. Кавказский берег был неповторим, как первая любовь. Они вновь и вновь возвращались туда. Но уже не в Гагры, а в соседний городок Гантиади, потом – в Новый Афон. В Гаграх уже не было Самвела. Он уехал работать куда-то в Россию. А без Самвела – какие Гагры? Жизнь раскидала их по разным углам, прервав череду встреч, разговоров, походов, но оставив при этом невредимой ту тонкую малозаметную нить притяжения, которая возникает между родственными натурами. Именно эта ниточка памяти заставляет нас безошибочно узнавать в пестрой толпе – тех немногих людей, с которыми нас связывают вроде бы какие-то пустяки – пара недолгих встреч, задушевная беседа у костра, бокал вина в беседке перед домом…

Алешин узнал Самвела, но сердце его отказывалось верить в несчастье, постигшее друга. Он минуту стоял в нерешительности, прежде чем спросил, обратившись к соседней койке:

– Простите, может, я не туда попал? Мне нужен Самвел

Авакян.

Молодой человек, окруженный «волхвами», взглядом показал на койку у окна. Алешин подошел ближе и наклонился к Самвелу. Сон его можно было бы назвать безмятежным, если бы не громкое сипение из дырки в горле, похожее не на храп, а, скорее, на какой-то сугубо технический и давно забытый звук настройки радиоприемника на нужную волну.

Отец Виталика Петрова работал, как говорили в те далекие 60-е годы, «в сфере торговли», и поэтому Виталик был одним из первых счастливых обладателей переносного приемника «Спидола» производства рижского радиотехнического завода. Этот небольшой чемоданчик из желтой пластмассы с черной ручкой и никелированными кнопками и регуляторами наверху ловил не только советские радиостанции, но и различные «вражьи голоса», начиная от «Немецкой волны» и заканчивая «БиБиСи». Молодые люди в то время, как и сейчас, интересовались не столько политикой, сколько музыкой – полузапрещенным джазом и запретным рок-н-роллом. Вражьи радиостанции, усиленно подавлялись советскими техническими спецсредствами, прозванными в народе «глушилками». Поэтому голоса Элвиса Пресли или Ната Кинг Кола пробивались к своим поклонникам через густую завесу искусственно создаваемых хрипов и сипений.

Но Гагры были гораздо ближе к границе, чем Москва. И «БиБиСи», вещавшая из Турции, иногда запускала в эфир

в режиме «нон стоп» какие-нибудь битловские хиты, чаще всего «Can't buy me love». Каждое утро это непонятное, но будоражащее «кентбай милав» сопровождало Алешина и Виталика по дороге на пляж.

А в бархатно-прохладные вечера компания молодых людей, – отдыхающих и местных друзей Самвела, – собиралась в его комнатке на втором этаже возле радиолы «Ригонда». В коллекции Самвела были диски популярных исполнителей советской эстрады и эстрады соцстран. Тут и Джордже Марьянович, и ансамбль «Ореро», и любимый Самвелом Жан Татлян. У Алешина до сих пор перед глазами одна из таких посиделок.

Пластинка потрескивает и щелкает, когда игла попадает на царапины. Звук из открытого окна льется во двор, где за длинным столом под виноградной лозою ведут серьезный разговор гости Авакяна старшего, такие же, как он, солидные седовласые владельцы соседних домов. Авторитет дяди Арута в семье непререкаем.

– Самвэль, – кричит он строго, – Самвэль! И дальше следует что-то на армянском. Самвел что-то говорит в ответ. Но это явно не устраивает отца. На фоне назревающей грозы Жан Татлян, как ни в чем не бывало, поет свое знаменитое «Et je t'attende» – А я жду тебя. Словесная перепалка становится все острее. Самвел, отчаянно жестикулируя, пытается воспротивиться отцовской воле – в конце концов, он уже не мальчик! Ему ведь уже исполнилось сем-

надцать лет! «Я жду тебя» – продолжает петь Жан Татлян… Дядя Арут прихрамывая взбирается на второй этаж и ссора продолжается уже в комнате Самвела.

Помнится, кончилось это тем, что дождались все: и Самвел, получивший подзатыльник и его друзья, вынужденные ретироваться во двор, и Жан Татлян, рухнувший в сопровождении оркестра под управлением Арбеляна со второго этажа вместе с радиолой «Ригонда». Арут Авакян был строг и по кавказски горяч в деле воспитания детей.

Алешин, нагнувшись, легко коснулся плеча спящего Самвела. Недоуменный взгляд человека, только что вернувшегося из страны сновидений, медленно сменился вялой улыбкой. Особой радости не было. А чего, собственно, ликовать? Ну, пришел в гости Макс Алешин. И какая разница, сколько времени прошло – сорок минут или сорок лет? Они узнали друг друга мгновенно, будто и не расставались. Поборов неловкость, Алешин произнес, тщательно выговаривая

– Барев цевс! Иштонг дзова! (*Привет! Пошли на море!)*

Самвел улыбнулся наконец своей настоящей улыбкой, радостно засипел, зашевелил губами, пытаясь что-то сказать и показывая рукой на окно. Затем нагнулся и открыл нижний ящик тумбочки. Там лежала почти уже выпитая бутылка какого-то коньяка. Каждому досталось грамм по тридцать.

– Когда у тебя операция? – спросил Алешин

– Двадц пя- быстро написал на листке блокнота Самвел. Это был один из доступных ему способов общения. Кроме

того, он много жестикулировал и беззвучно «говорил» губами. Но Алешин к великому своему стыду плохо улавливал смысл его фраз. Язык жестов давался ему гораздо труднее, чем армянский, которому его когда-то учил курчавый мальчишка-ровесник на окраине красивейшего из приморских городов…

Интерес к иностранным языкам был у Алешина с детства. Причем не только к европейским. Ему был интересен язык любого народа, среди которого ему приходилось жить, будь то латвийский, узбекский или грузинский. Но одним из первых был армянский. Сочный, чмокающий, словно спелый фрукт, гортанный, цокающий копытами скакунов, этот язык завораживал Алешина и становился неотъемлемой частью образа Гагр, такой же, как горы и море, инжир и вино. Язык абхазских армян отличается от исконного армянского языка, на котором говорят в Ереване.

Об этом Самвел сразу же предупредил Алешина.

Ведь армяне пришли в Абхазию из Турции, спасаясь от геноцида в 1915 году. И кое что в их языке было позаимствовано из турецкого.

Самвел еще раз указал рукой и кивком головы в сторону угасающего за окном осеннего дня. Что же мы сидим тут, в этой тусклой палате, в этой камере смертников? Да, да, Максик-джян. Если наше время – деньги, то у тебя еще, пожалуй, осталась пачка купюр, а у меня – разве что небольшая горсть мелочи.

Самвел надел белую рубашку и пестрый шейный платок, закрывающий отверстие в горле. Поверх рубашки – изумрудного цвета куртка. Он и сейчас остался верен своей привычке франтовато одеваться.

Выйдя на улицу, где вовсю хозяйничал ледяной ветер, Самвел и не подумал застегнуться, и полы куртки то и дело трепетали и взлетали вокруг него, словно крылья. До ближайшего кафе пришлось идти минут десять. Кафе словно по заказу называлось «Колхида».

– А помнишь, – спросил Алешин, – как мы ходили в поход на перевал Мамзышха?

Самвел закивал головой, грустно улыбаясь.

«Как давно это было! Целую жизнь назад. Максим сказал, что уже стал дедушкой. Да и я уже дед. Мамзышха! Хм… Сколько их было у меня этих походов в горы с разными отдыхающими! Разве всех упомнишь? Но вот Макса почему-то вспомнил сразу, когда он прислал эсэмэску. Может, потому, что он друг Виталика Петрова?

Самвел хлопнул Алешина обеими руками по плечам, поправил лацканы его пальто и, ткнув его в грудь указательным пальцем, поднял вверх большой – мол, хорошо выглядишь!

– Да ты тоже – красавчик, хоть куда! – парировал Алешин.

Самвел махнул рукой и, достав авторучку, быстро написал: " Это я раньше был крутой».

Официантка, молодая полненькая грузинка принесла заказанную Алешиным водку с закусками. Заказывая, он спро-

сил Самвела, можно ли ему перед операцией употреблять спиртное и в каких количествах. В ответ Самвел пренебрежительно махнул рукой и что-то беззвучно произнес улыбаясь. на этот раз Алешин безошибочно прочитал любимую Самвелом присказку – «Фигня, Онегин!» Причем тут герой пушкинского романа в стихах, Алешин никогда не мог понять, а Самвел теперь уже не смог бы объяснить. Видимо это был осколок какого-то надежно забытого анекдота. Ну, фигня, так фигня! Друзья выпили за встречу.

Собственно, и знакомство с вином по-настоящему произошло в Гаграх. Здесь Алешин впервые попробовал и домашние вина, и знаменитые грузинские марки от «Цинандали» до «Твиши», и местный хит продаж «Букет Абхазии». Здесь впервые были распробованы и оценены грузинские и армянские коньяки. С тех пор вкус и аромат советского бренди, незаконно названного коньяком, сохранился в его вкусовой памяти настолько прочно, что настоящие французские коньяки, появившиеся у нас в «перестройку», Алешин так и не смог воспринять и оценить.

Застолья с вином были в доме Авакянов делом почти ежедневным. Во всяком случае, в летний сезон. То у одного отдыхающего день рождения, то другой проставляется по случаю приезда или отъезда. Как и в любом кавказском доме, Авакяны делали свое вино, но в июле-августе оно еще не было готово. А вот чача была в избытке. Алешину на всю жизнь запомнилось, как дядя Арут лечил его от просту-

ды. Все ушли на море, а Макс лежал и чихал на раскладушке, которую поставили для него на бетонной крыше кухни. В комнате днем было жарко до одурения. А про кондиционеры тогда еще никто даже и не слышал. Дядя Арут в этот день был занят производством чачи. Вся кухня, словно лаборатория, была опутана сетью резиновых и металлических трубочек. До слуха Алешина доносились звуки и запахи, характерные для процесса обработки и перегонки браги в кристально чистую жидкость крепостью до 90 градусов. Вдруг снизу послышался голос дяди Арута.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.